Ирина Троцук

Как стать счастливым: новые смыслы одиночества в современном мире

Рецензия на книгу: Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

Другие люди — опора индивидуального существования... одиночество убивает не только смысл вещей и явлений, оно угрожает самому их существованию... земля, по которой ступают мои ноги, нуждается в том, чтобы и другие попирали ее, иначе она начнет колебаться под ними.

Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб

Жизнь подобна вторжению в Россию. Начало похода — блиц, блестят кивера, пляшут плюмажи, как переполошившийся курятник; лихой рывок вперед, воспетый в красноречивых донесениях, противник отступает; а затем долгий, унылый, изматывающий поход, сокращаются рационы, и в лицо летят первые снежинки. Противник сжигает Москву, и вы начинаете отход под натиском генерала Января, у которого ногти — ледяные сосульки. Горестная ретирада. Казачьи набеги. И кончается тем, что вы падаете, убитый из пушки мальчишкой-кантониром при переправе через польскую речку, которой даже вообще нет на карте у вашего генерала. Я не желаю стареть. Увольте меня от этого...

Барнс Д. Как все было...

Irina Trotsuk — PhD in sociology, associate professor (docent) of Department Humanities and Social Sciences, Peoples'Friendship University of Russia. Scientific interests: methodology of sociological research, qualitative methods in sociology, textual analyse. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Согласно данным социологических опросов, большинство россиян убеждены, что у «старости нет никаких преимуществ перед другими возрастами». Образ старости окрашен в самые мрачные тона как «сопряженный с социальными, физиологическими, психологическими проблемами и совершенно беспросветный», и одной из главных ассоциаций со старостью выступает «страшное одиночество» [Преснякова, 2011, с. 121–122], а не оптимистичная уверенность, что нынешнее увеличение продолжительности жизни «небывало расширяет время доступных каждому трудов, забот и радостей земных» [Вишневский, 2005, с. 96]. Исследования одиночества в русле психологической и социологической традиции сконцентрированы в основном на двух возрастных группах. Это подростки и пожилые люди. Одиночество подростков обычно рассматривается в негативном и субъективном измерении как неадекватное восприятие себя и окружающей действительности («меня никто не понимает»), порождающее разнообразные девиации [Малышева, 2003; Перешеина, 1999; Шмелев, 2004]. Пожилым одиночество приписывается как базовая и всеобъемлющая социально-демографическая характеристика, как неизменный негативный атрибут старости, хотя в действительности речь может идти о «социальной изоляции, одиноком проживании, социальном пренебрежении, даже разновидности жестокого отношения к пожилым людям» [Краснова, 2005, с. 168].

Книга Эрика Кляйненберга показывает, что в современном мире одиночество нельзя рассматривать как устойчиво связанное с определенными этапами жизненного цикла и преимущественно негативное явление, что, возможно, и было справедливо для прошлых эпох. Как заявлено в аннотации, книга посвящена феномену современного одиночества, которое трактуется как «не только следствие случайных обстоятельств, но и сознательный выбор миллионов людей в развитых странах; новая социальная реальность крупных городов, ответственное решение и молодых представителей креативного класса, и пожилых, желающих стареть в одиночестве». С одной стороны, это вполне корректно суммирует содержание работы. Автор в тональности, не характерной для отечественной традиции изучения одиночества, — заинтересованного и позитивно настроенного наблюдателя — обозначает объективное (фиксируемое бесстрастной статистикой) и субъективное (обнаруживаемое в интервью с разными типами одиночек) измерения одиночества в том его виде, что оно обрело в западных странах и все стремительнее обретает в обществах, придерживающихся схожих траекторий исторического развития. Очень точно, ярко, нередко с долей юмора описывая сложные процессы современности, автор не забывает изложить и взгляды классиков социальной мысли на трансформации, определившие нынешний всплеск одиночества. Попутно он

обращается к самым разнообразным религиозным, литературным и публицистическим источникам.

С другой стороны, работа Кляйненберга совсем не об одиночестве. Просто обращение к нему точнее любых иных социологических проблематик позволяет показать, сколь сильно в современном мире изменились трактовки счастья (повседневное измерение одиночества) и нормы (социологическое измерение), по сути, опровергая известную толстовскую фразу в том смысле, что сегодня все счастливые люди счастливы, а все несчастные несчастливы по-своему, невзирая на то, одиноки они или нет. Позитивная интонация, неожиданные тематические акценты и переходы, легко читающийся текст с массой живых цитат и ярких метафор позволяют настойчиво рекомендовать книгу самому широкому кругу российских читателей, потому что контексты восприятия и говорения об одиночестве в нашем обществе явно диссонируют с предлагаемыми в тексте.

Например, в 2013 г. опрос студентов Российского университета дружбы народов, призванный выявить ожидания и опасения молодежи в профессиональной сфере, показал, что каждый третий респондент, задумываясь о своем будущем, боится оказаться одиноким. Конечно, однозначные интерпретации здесь вряд ли возможны, но сложно отрицать два обстоятельства: во-первых, столь высокий показатель был получен в контексте максимально нейтральном для оценок одиночества (вопросы анкеты сфокусированы на учебе и трудоустройстве, а не на межличностных отношениях и любовно-семейных перипетиях). Во-вторых, проблема одиночества в ее классической бытовой (а нередко и научной) интерпретации в обозримой перспективе не должна быть столь актуальна для нынешних студентов, в массе своей достаточно благополучных во всех отношениях. Значит, они либо воспроизводят устойчивые социальные представления, инспирируемые и поддерживаемые медийным шумом, либо понимают под одиночеством нечто иное, чем недостаток социальных связей и общения.

Наше общество настойчиво воспроизводит в средствах массовой информации идею, что одиночество — временное и очень нехорошее состояние, которое человек как существо социальное должен преодолевать, прилагая максимум усилий, а если у него это не получается — обращаться к специалистам. Российское телевидение — это постоянные шоу для разных возрастных групп, где людей переодевают и всячески прихорашивают, чтобы они наконец встретили свою половинку или не потеряли имеющуюся в наличии. Предлагается выбрать партнера для свидания или стряхнуть груз прошлых неудачных отношений и выстроить новые, априори более успешные благодаря как раз негативному жизненному опыту. Шоу пытаются воссоединить людей с утраченными или отвергну-

тыми родными, потому что «семья — это главное»; людей выселяют на специальные огороженные территории для целенаправленного «строительства любви» и т. д. Кроме того, каждый из нас в ходе взросления узнает от своих родных или друзей «непреложные жизненные истины, что ребенок должен ходить в садик, чтобы общаться, а не сидеть дома в одиночестве, что в определенном возрасте нужно начать встречаться с лицами другого пола, потом обязательно выйти замуж/жениться, родить детей, чтобы не быть старой девой/закоренелым холостяком»[1] и не помереть в одиночестве и т. п.

Несмотря на сложную и многозначную природу одиночества, столь же грустная тональность отличает теоретическое и художественное осмысление данного феномена с древнейших времен, хотя далеко не всегда осознание человеком трагичности утраты или ослабления связей с другими людьми, заложившее еще в библейских текстах основы экзистенциального пессимизма нашего времени, обозначалось как одиночество. Позитивный модус обнаруживался в одиночестве, если оно было результатом сознательного выбора бытия с Богом или пути к истинной вере через отказ от обывательской жизни и уединение в целях романтизируемой творческой концентрации и социального совершенствования, а также, если изоляция применялась как средство воспитательного воздействия. Очень долго в истории социальной мысли доминировали трактовки одиночества как тяжелого эмоционального переживания (индивидуальное измерение) и особого состояния, характеризующегося отрывом от друзей, родных и близких (социальное измерение) [Маргари, 1989, с. 98]. Вплоть до конца прошлого века одиночество рассматривалось в основном как физическая, «объективная изолированность индивида» [Швалб, Данчева, 1991, с. 18]. При этом подчеркивалось, что оно может быть вынужденным и целенаправленным (добровольный отказ от социальных пут), объективным и субъективным (ощущение полного непонимания окружающими), трактоваться предельно широко — социально-демографическая характеристика человека, не состоящего в браке или живущего отдельно от всех, или узко — как психологическое состояние, сопровождающееся отрицательными эмоциями (отчаянием, беспокойством, страхом, тревогой и пр.).

Социологическая традиция изучения одиночества характеризуется принципиальной эмпирической направленностью,

1 Одинокий мужчина, как правило, считается и изображается в кинематографе в качестве страдающего из-за неустроенности быта, неухоженности и недолюбленности странноватого чудака, а женщина — как опечаленная своей материнской и женской нереализованностью, с громко тикающими биологическими часами, постоянно поеживающаяся под сочувственными взглядами знакомых, старающихся ее пристроить.

но по тематическим акцентам не выпадает из поля привычных концептуализаций. Социологи, как правило, разводят объективное (стабильная ограниченность коммуникативных и эмоциональных связей) и субъективное (далеко не всегда адекватное определение себя как одинокого человека) измерения одиночества; негативный (неверная самооценка, переживание разрыва отношений с другими людьми, утрата идентичности) и позитивный (сознательное добровольное самоустранение из чуждых социальных связей, которое помогает лучше понять себя) его аспекты [Уледова, 1999]. Социологическая трактовка одиночества соотносит его объективные предпосылки с индивидуальным опытом переживания: безработные, пенсионеры, люди в местах заключения и лечебных учреждениях и др. подвержены чувству одиночества, но стратегии его восприятия и преодоления различаются [Романова, 2002]. Биографические нарративы матерей-одиночек свидетельствуют о доминировании в российском обществе стереотипа ненормальности воспитания ребенка в неполной семье. Он формирует комплекс неполноценности: феномен «отсутствующего плеча» чаще угнетает женщину не потому, что она действительно в нем нуждается, а в силу давления социального стереотипа нормальности и правильности обладания им [Киблицкая, 1999]. Многие исследователи пытаются наполнить конкретным эмпирическим содержанием конструктивные и неконструктивные стратегии адаптации к ситуации одиночества у разных поколенческих и гендерных групп, выделяя в качестве критериев конструктивности, в частности, социальную активность и принятие себя и своего состояния [Вербицкая, 2002].

Примерно с последней четверти XX в. работы, посвященные проблеме одиночества в самых разных дисциплинарных полях, объединяет уверенность их авторов, что наступает эпоха одиночества. Оно приняло характер эпидемии [Colin, 1998, p. 762] вследствие, прежде всего, ослабления (первичных) социальных связей и резкого роста всех типов социальной мобильности [Riesman, Glazer, 1961; Slater, 1976]. Все авторы, занимающиеся проблемой одиночества, невзирая на свою дискурсивную аффилиацию (научную, литературную и пр.), признают, что для понимания феномена следует обращаться к базовым вопросам — таким, как природа одиночества, степень его нормальности, позитивности/негативности, соотношение внутренних и внешних причин одиночества, их историческая и социокультурная обусловленность и т. д.

В русле подобных вопрошаний разворачивается и повествование Э. Кляйненберга, но главы в книге выделены достаточно условно. Формально, судя по названиям, они фокусируются на разных аспектах одиночества (стратегиях совладания с ним, причинах превращения в одиночку и устойчивости данного статуса в раз-

ных гендерных и поколенческих группах и т. д.), но содержательно представляют собой скорее разные зарисовки на одну и ту же тему. Их сюжеты и герои (респонденты, с которыми проводились интервью в рамках многолетнего эмпирического проекта под руководством Кляйненберга[1]) повторяются, поэтому нет смысла подробно останавливаться на каждой главе. Вместо этого обозначим объединяющие их идеи, четко сформулированные в тексте или же явно считывающиеся.

Кляйненберг убежден, что «в последние полвека человечество приступило к осуществлению уникального социального эксперимента», который радикально и необратимо изменил прежде устойчивую траекторию нашей жизни как изначально коллективных и социальных животных, тяготеющих к общению не в меньшей степени, чем шимпанзе и даже крабы-отшельники, для которых одиночество чревато стрессами и болезнями вплоть до потери ноги или клешни[2]. Многочисленные статистические данные показывают, что человечество прошло точку невозврата. Нам следует смириться с тем, что мы живем в новой и очень одинокой социальной реальности. В прошлые эпохи одиночное заключение считалось самой тотальной и антигуманной формой наказания (смертью заживо), люди стремились находиться рядом с себе подобными, в семейных союзах. Сегодня ситуация радикально изменилась и с этим

1 По собственному признанию, первоначально Кляйненберг без энтузиазма отнесся к идее изучения одиночества. Его личная жизнь сложилась удачно (в его семье ценится общение и личное время каждого, ему «не только хорошо живется, но он имеет еще и возможность писать!», т. е. обладает редкой для социолога возможностью взглянуть на проблему одиночества исключительно со стороны), а предыдущий опыт оценки масштабов гибели одиноких людей от жары в Чикаго, городе «добрых соседей», оставил мало приятных воспоминаний. Однако он все же решился взяться за работу, чтобы, найдя ответ на вопрос, почему столько людей живут в одиночестве, попытаться понять нечто важное о человеческой природе и современных ценностях. За семь лет проведены более 300 интервью с одиночками разного возраста из разных социальных слоев (в основном с представителями американского среднего класса). Материалы рассматривались в свете архивных, статистических, маркетинговых и количественных социологических данных об образе жизни одиноких людей, а также экспертных интервью с государственными чиновниками, архитекторами, владельцами и обслуживающим персоналом домов престарелых, отелей для одиноких, жилых комплексов для молодых и состоятельных профессионалов.

2 Хочется еще раз подчеркнуть в самом позитивном смысле публицистический характер книги — в ней представлено множество ярких и забавных примеров, автор не страдает дисциплинарным снобизмом и легко апеллирует к высказываниям и работам людей, имеющих к социологии весьма отдаленное отношение (например, Маргарет Тэтчер или Айн Рэнд).

ничего нельзя поделать — люди массово стали одиночками. Они откладывают вступление в брак на все более поздний срок; предпочитают не вступать в повторный брак после развода и жить отдельно от родных и близких (речь, видимо, может идти о гостевых и браках выходного дня). Сознательно отказываются иметь детей, стремясь к личной свободе и самореализации в чем-то ином, чем родительство и т. д.

Говоря об эксперименте, Кляйненберг подчеркивает целенаправленный выбор одиночества и разводит понятия «одинокий» и «одиночка» (человек, который живет один, необязательно одинок), что можно проиллюстрировать следующим примером. В 1995 г. в США вышел фильм «Имитатор», где судебный психиатр страдает боязнью открытого пространства после нападения психопата-маньяка и более года проводит в своей квартире, никуда не выходя, что вызывает искреннее сочувствие у знающих о ее проблеме людей. Сегодня же повсеместную известность получил термин «хикамори»[1], обозначающий подростков и молодежь, которые отказываются от любых социальных контактов и живут в крайней степени изоляции и уединения, ограничивая свои контакты с внешним миром покупками через Интернет (как правило, они живут на иждивении родителей)[2].

Кляйненберг реконструирует этот эксперимент-трансформацию, начиная с середины XIX в. Рост урбанизации и отток населения из сельской местности в города породил обособленную жизнь в отелях и меблированных комнатах. Рост занятости женщин в городах позволил им не только самостоятельно зарабатывать на хлеб, но и «находить для себя жизненные сюжеты за пределами замужества»[3]. Холостяки, богема и геи заселяли целые районы, где

1 В Интернете встречаются разные варианты: хикки, хикикимори, хикимори и др.

2 Официальная статистика министерства здравоохранения Японии называет скромную цифру в 50 тыс. хикамори в стране, но альтернативные оценки психологов поднимают ее до миллиона человек или каждого пятого молодого японца в возрасте до 30 лет.

3 В 2003 г. в США вышла кинокартина «Улыбка Моны Лизы», в которой хорошо отражена проблема самоопределения женщины в американском обществе 1950-х годов. Преподавательница истории искусств в женском колледже Уэллесли сталкивается с патриархальными взглядами на роль женщины среди учениц, преподавательского состава и руководства учебного заведения, однако, оказывается, что в борьбе за права женщин можно страдать фанатизмом и зашоренностью не в меньшей степени, чем отстаивая традиционные ценности. Тем не менее, уже тогда, по крайней мере зажиточный средний класс, предоставлял девушке право самостоятельно выбрать жизненную стезю (брак, развод, учеба, работа), но всячески демонстрируя при этом идеальность «карьеры» домохозяйки (в фильме много

соседи оказывались не более чем номерами на дверях, чтобы избавиться от общественного надзора. В 1920-е — начале 1930-х годов в эти районы потянулись обычные люди, стремящиеся «жить насыщенной жизнью в собственной квартире» независимо и в одиночку — «возникала новая социальная география». На протяжении 1950–60-х годов складывались новые модели поведения женщин и мужчин вне традиционного семейного уклада, в том числе и в эротической сфере (яркий пример — культовый журнал Playboy и книга Х. Браун «Секс и одинокая девушка»). С 1970-х годов значительно расширившийся сектор бытовых услуг позволил огромному количеству женщин выйти на рынок труда. Эти тенденции определили не только отсрочку вступления в брак, но и беспрецедентный рост числа разводов, потому что личное счастье стало считаться не менее важным, чем забота о семье. Росту масштабов одиночества способствовал учет рынком жилья новых потребностей людей и изменение социализационных паттернов детства в условиях занятости обоих родителей (собственная комната, собственные занятия и досуг у каждого ребенка в семье).

Иными словами, речь идет о формировании новой социальной реальности, отрицать которую бессмысленно. Одиночество воздействует на процессы личного взросления, старения и умирания во «всех социальных слоях населения и почти всех семьях вне зависимости от их социального положения и состава в данный конкретный момент», и объяснить эту тенденцию американской спецификой (особой национальной религией самообеспечения, утилитарным или экспрессивным индивидуализмом и либертарианскими чертами[1]) не получится. Она нарастает и в других странах с высоким уровнем жизни, который гарантирует комфортное одиночество (Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Японии, Франции, Германии, Англии, Канаде, Австралии, отчасти даже в Китае, Индии и Бразилии). Следовательно, необходимо начать внимательное социологическое изучение этой новой реальности, помня, что масштабы распространения одиночества не позволяют рассматривать его как сугубо личное дело. Поэтому нужно оценивать как успе-

примеров рекламы, которую сегодня не осмелилось бы разместить ни одно рекламное агентство — как откровенно и агрессивно сексистскую).

1 Многомиллионные тиражи книг А. Рэнд, переведенных на множество языков, в которых пропагандируется идеал человека-творца, живущего за счет своих способностей и таланта и исключительно ради себя, говорят о близости идей либертарианства представителям самых разных обществ и культур. Себя Рэнд не относила к либертарианству и отрицательно отзывалась о нем, что, впрочем, не помешало его адептам считать ее книги манифестом течения, особенно работу «Атлант расправил плечи».

хи растущей фрагментарности общества и индивидуализации его членов, используя статистические методы, так и типичные ситуации одиночества — порождающие их причины, детерминирующие их устойчивость и «нормальность», факторы и стратегии адаптации к ним, — прибегая к «мягким» методикам социологической работы, помогающим отслеживать интерпретации одиночества.

Кляйненберг выступает категорически против любых однобоких трактовок одиночества — и как негативного явления в экстремальных формах «инертного индивидуализма», с которым смиряет лишь его временный характер (одинокие ковбои и загадочные детективы в конце концов тоже обретают личное счастье) или исключительная редкость (повторить судьбу Робинзона Крузо несколько затруднительно), и как, наоборот, романтического идеала и гламурного соблазна из сериалов наподобие «Секса в большом городе». Последний неоднократно упоминается в книге, что вполне оправдано для читателей, с сериалом хорошо знакомых, поскольку в нем представлены четыре типа женского одиночества. Одна героиня фанатично ищет семейное счастье в традиционном его формате (богатый муж, счастливая жена-домохозяйка, куча детишек). Вторая жаждет настоящей любви, где брак выступает скорее желательным, чем обязательным атрибутом. Третья прекрасно себя ощущает в череде временных любовных связей, но случайная беременность открывает ей глаза и в итоге приводит к крепкому браку. Лишь четвертая, попробовав длительные отношения, которые в России назвали бы гражданским браком, убеждается, что себя она любит больше, чем кого бы то ни было, и возвращается в удобный формат счастливого одиночки. Причем сериал рассказывает не совсем об одиночестве: крепкая дружба четырех героинь заменяет им родственные и любовные связи, и в их жизни остаются только те привязанности, что сумели вписаться в эту дружбу.

По мнению Кляйненберга, одиночество сегодня стало абсолютной нормой в дюркгеймовском смысле. Механизмы его нормализации различны, но всегда действуют совместно. К ним относятся следующие факторы.

Экономический (рост благосостояния граждан и развитие системы социального страхования сделали одиночество «доступным экономически»), исторический (переход от традиционных сельских общин к современным индустриальным городам превратил индивида в своего рода предмет поклонения и кардинально повысил уровень социальной мобильности), социокультурный (укоренившиеся культурные связи и обязательства коллективизма были вытеснены ценностями личной свободы, выбора и счастья, что постепенно снизило негативность оценок одинокой жизни, вольного поведения в сексуальной и семейной сфере и отсутствия взрослых

обязательств, одновременно превратив одинокую жизнь в отдельной квартире в критерий взрослости), информационный (даже закрытый в четырех стенах человек не чувствует себя одиноким, имея доступ к разнообразным развлечениям и формам общения), потребительский (в городах возникла целая инфраструктура, обслуживающая запросы одиноких людей), демографический (непропорциональное увеличение продолжительности жизни женщин и мужчин приводит к тому, что жены на десятилетия переживают своих супругов) и даже фактор моды (с 1970-х годов жить одному неожиданно стало модно).

Тем не менее, акцент в книге сделан на культурной детерминации одиночества. Люди окончательно и бесповоротно уверовали в ценность индивидуальной свободы, личного контроля и стремления к самореализации. Их обрести проще, если человек концентрируется на том, что важно для него («заниматься своей карьерой гораздо проще, когда вы ничем и никем не связаны, лучше всего, когда вы живете один»). Он не отвлекается на требования и желания тех, кто живет рядом, и компенсирует личное одиночество повышенной социальной активностью — где, когда и с кем ему удобно, а не на систематической основе.

Но Кляйненберг не идеализирует одиночество: характеризуя объективные факторы, определившие нынешние масштабы его распространения, он уточняет, что ни одного одиноко живущего человека нельзя назвать абсолютно уверенным в правильности своего выбора или положения — время от времени каждого одиночку терзают сильные сомнения (но не страдания от социальной изоляции). Главное, чему приходится учиться одиночкам, — не воспринимать свое одиночество как социальное фиаско («сложно оставаться спокойным, когда вас постоянно бомбардируют сообщениями о важности создания семьи, необходимости родить ребенка и ужасах жизни старых дев»), но далеко не всем удается переформатировать опасения в убеждение в собственной неординарности и особом личном успехе. Даже заглушив свои сомнения, одиночка не может успокоиться раз и навсегда. Примерно к 40 годам «научившиеся наслаждаться независимостью должны решить — продолжать ли прежнюю жизнь или найти партнера и создать семью». Общество подталкивает одиноких женщин ко второму варианту, причем нередко в достаточно грубой и агрессивной форме, призывая быть менее придирчивыми в выборе партнера и перестать ждать прекрасного принца на белом коне. Мужчины могут позволить себе не задумываться на эту тему еще какое-то время, потому что их биологические часы тикают тише и идут медленнее.

Вариантов развития событий здесь несколько, но ни один не гарантирует счастья или избавления от одиночества: создать семью,

но «партнер, с которым можно вместе жить в квартире, не избавляет автоматически от боли одиночества», да и «миф о спасении через романтическую любовь может исчезнуть, как дым»; стать родителем-одиночкой; завести домашнее животное; задумавшись, станешь ли ты счастливее, найдя себе спутника, отказаться менять свою жизнь и остаться одиноким, потому что тебе просто нравится быть одному в эпоху, когда это стало социально приемлемым, или же «ты уже ничего никому не можешь предложить».

Таким образом, еще один тематический акцент книги — поиски счастья, которые и нормализуют одиночество. «Все те, кто развелся или разошелся со своим супругом или супругой, подтвердят, что нет жизни более одинокой, чем жизнь с человеком, которого вы не любите». Любые выступления в средствах массовой информации в поддержку брака и против одиночек бессмысленны и даже жестоки. Они вынуждают людей ради неодиночества вести несчастную жизнь, вместо того чтобы обрести вместе с одиночеством ощущение покоя и счастья. Одиночество — не рецепт и не препятствие для счастья хотя бы потому, что со счастьем у всех сложности: дается оно нелегко, не всем и не навсегда независимо от степени одиночества. Однако бо́льшая часть нынешних поколений прошла социализацию в ситуации общественного консенсуса относительно базовой модели обретения счастья — это некая форма семейных привязанностей, наличие рядом людей, которые тебя ценят, любят, понимают и принимают таким, каков ты есть. Одиноким людям приходится нелегко, потому что они вынуждены бороться с негативным отношением окружающих к своему положению и конструировать иные, чем массово бытующие, модели личного счастья. Все одиночки «сталкиваются с одной и той же проблемой: надо не просто решить проблему жизни в одиночестве, но и научиться жить счастливо». В новой социальной реальности шансы на одиночество крайне высоки, но чем больше вокруг по-разному счастливых одиночек, не стремящихся изменить свою жизненную ситуацию, тем проще принять собственное одиночество как нормальное и перестать винить себя.

Кляйненберг прав, приводя развернутые цитаты из интервью с одиночками. Каждый случай уникален, но в совокупности этот особый жизненный опыт помогает по-новому взглянуть на собственную биографию и мир вокруг. Проблема в том, что все мы, к сожалению, рискуем стареть в одиночестве и боимся стать старыми, нищими, возможно, больными и несчастными (в самом удачном браке может не оказаться детей и кто-то из супругов переживет другого). Одиночкам сложнее рассчитывать на чью-то помощь в случае тяжелой болезни, травмы или старческой немощи (конечно, эти страхи в меньшей степени или вообще не характерны для обеспеченных людей). Старость — период, когда позиции сдают и самые

фанатично настроенные романтики, идеализирующие одиночество, потому что и у самого здорового и финансово независимого пожилого человека ухудшается качество жизни.

Кляйненберг делает практический вывод о необходимости пресекать все попытки журналистов, ученых и экспертов нагнетать обстановку сценариями заката цивилизации, печального конца эры человеческого единства, краха социальности и т. п., а также «бесполезные кампании, посвященные святости семейного союза». Он призывает обе стороны (поборников коллективных форм жизни и борцов за права одиночек) отказаться от «борьбы со стереотипами и мифами… и задуматься о реальных сложностях существования тех, кто живет один», «начать думать о том, чтобы помочь людям жить счастливее, лучше и в гармонии с окружающими». Мы впервые в человеческой истории столкнулись с положением, когда в обществе столь много одиноких людей. Нам нужно попытаться правильно определить ситуацию с позиций всех ее участников — добровольных одиночек, тех, кто вынужденно остался в одиночестве, окружающих одиночек людей, тех, кто заботится об одиноких согражданах по доброй воле, за плату, ради прибыли или в силу своих административных обязанностей.

И, наконец, работа Кляйненберга рассказывает нам о реалиях жизни американского общества, о которых мы в России знаем очень мало. Совмещая макрооптику статического подхода и микрооптику полуформализованных интервью, автор показывает, как и чем сегодня живет Америка в сфере межличностных отношений. Большинство взрослых (каждый седьмой без учета находящихся в домах престарелых и отбывающих тюремное заключение) одиноки, но привыкают к этой ситуации, «осваивая жизнь соло и вырабатывая новые способы существования». Максимально быстро в сегменте одиночек растут его женская, афроамериканская, городская и молодая (18–34 лет) части, т. е. и в сфере одиночества сильны гендерные, расовые и поселенческие дифференцирующие факторы. Каждый пятый взрослый американец пережил развод, но и повторные браки в США распространены в большей степени, чем в других странах. В южных штатах и сельской местности царит атмосфера культурного консерватизма. Совершенно нормально, когда все члены семьи живут отдельно друг от друга, и даже престарелые хотят близких отношений на расстоянии, жить поблизости от своей семьи, но не слишком близко, видеть родственников часто, но не постоянно. Американцы предельно рационально просчитывают свои жизненные перспективы и откровенно их проговаривают, не стесняясь признаваться в разборчивости или нежелании превращаться в сиделку у смертного одра супруга, спокойно рассказывая о своих сексуальных практиках и т. д.

В книге масса интересных и важных с социологической точки зрения сюжетов, которые автор лишь вскользь упоминает. Среди них социокультурное конструирование возраста (многие люди старше 65 лет не чувствуют и не называют себя престарелыми, как их однозначно квалифицируют статистические обследования) и пагубность увлечения идеологиями. Они заставляют драматизировать реальные результаты исследований, порождают предубеждения, страхи и дискриминационные практики в отношении одиночек; повсеместность социальных иерархий (даже в доме престарелых самые здоровые и независимые игнорируют и избегают самых больных и слабых, самим своим видом жестоко напоминающих о бренности человека); необходимость преодоления социологом собственной предвзятости в исследовательской работе (что очень сложно сделать, когда затрагиваемые вопросы носят столь ярко выраженный личный характер и вызывают столь плохо сдерживаемую эмоциональную реакцию).

Хотя книга написана легко и местами даже с юмором, читать ее тяжело, когда автор описывает реалии жизни одиноких людей и читатель невольно примеряет подобные ситуации на себя[1]. Странным кажется только политическое измерение проблемы одиночества. Его роль понятна, когда речь идет о социальных программах поддержки слабых, больных и изолированных людей, о новых градостроительных проектах, учитывающих масштабы современного одиночества, об оказании помощи тем, кто заботится о своих одиноких больных и престарелых родственниках и друзьях. Однако идея политической мобилизации на основе одиночества представляется нереализуемой в силу разнородности армии одиночек по социально-демографическим и мотивационно-ценностным основаниям. Сформулированный автором лозунг «Одиночки всех стран, объединяйтесь!» звучит столь же привлекательно, сколь и невероятно. Сложно представить, чем можно объединить людей, которые в большинстве своем отказались идти на компромиссы с социальными условностями, по-своему счастливы и горды способностью обходиться без других.

1 Чего стоит только описание работы американских муниципальных следователей, которые должны просмотреть личные вещи умершего одинокого человека, оценить их стоимость и найти наследников, но зачастую не могут обнаружить ни следа хоть кого-то близкого в жизни старика, который скончался в грязи, страшном беспорядке и полном одиночестве. В Лос-Анджелесе раз в год в дальнем углу муниципального кладбища проходит захоронение невостребованного праха в братской могиле — тех людей, что жили и умерли в одиночестве, но после смерти оказались не одиноки.

Библиография

Вербицкая С. Л. (2002) *Социально-психологические факторы переживания одиночества*. Дис. ... канд. психолог. наук. СПб.

Вишневский А. (2005) Похвала старению. *Отечественные записки*, (3).

Киблицкая М. (1999) *Исповеди одиноких матерей*, М.

Краснова О. (2005) Порождение заблуждений: пожилые люди и старость. *Отечественные записки*, (3).

Малышева С. В. (2003) *«Образ Я» и представление о сверстнике у подростков, переживающих одиночество.* Дис. ... канд. психолог. наук. М.

Маргари М. (1989) Одиночество, самостоятельность и взаимозависимость в контексте культуры. *Лабиринты одиночества,* М.

Перешеина Н. В. (1999) *Психология одиночества у законопослушных и криминальных подростков.* Дис. ... канд. психолог. наук. М.

Преснякова Л. (2011) Старость по-российски. Социально-экономические условия и психологический климат. *В памяти и добром здравии. Старшее поколение, общество и политика. Избранные статьи из журнала «Остойропа».* М.: 121–122.

Романова И. В. (2002) Адаптация одиноких женщин к посттрудовому периоду в условиях современного общества. Дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ,

Уледова И. А. (1999) Социальное одиночество как духовное состояние социальных объектов. Дис. ... канд. социол. наук. М.,

Швалб Ю. М., Данчева О. В. (1991) Одиночество, Киев.

Шмелев Р. В. (2004) Исследование взаимосвязи девиантного поведения и состояния одиночества в подростковом обществе. Дис. ... канд. психолог. наук. Самара.

Colin K. (1998) Loneliness: an epidemic in modern society. *Journal of Advanced Nursing,* 28 (4).

Riesman D., Glazer N. (1961) *The Lonely Crowd: A Study of Changing American Character*, New Haven.

Slater P. (1976) *The Pursuit of Loneliness: American Culture at the Breaking Point*, Boston.

References

Colin K. (1998) Loneliness: an epidemic in modern society. *Journal of Advanced Nursing,* 28 (4).

Kiblitskaia M. (1999) Ispovedi odinokikh materei, [Confessions of Single Mothers] M.

Krasnova O. (2005) Porozhdenie zabluzhdenii: pozhilye liudi i starost' [The production of misconceptions: the elderly and aging]. Otechestvennye zapiski [Russian Notes], (3).

Malysheva S. V. (2003) «Obraz Ia» i predstavlenie o sverstnike u podrostkov, perezhivaiu-shchikh odinochestvo. [The Image of 'I' and the Perception of the Same Age among Teenagers Experiencing Loneliness] Dis. ... kand. psikholog. nauk. M.

Margari M. (1989) Odinochestvo, samostoiatel'nost' i vzaimozavisimost' v kontekste kul' — tury [Loneliness, Independence, and Interdependence in the Context of Culture]. Labirinty odinochestva [Labyrinths of Loneliness], M.

Peresheina N. V. (1999) Psikhologiia odinochestva u zakonoposlushnykh i kriminal'nykh pod-rostkov [The Psychology of Loneliness among Law-abiding and Criminal Teenagers]. Dis. ... kand. psikholog. nauk. M.

Presniakova L. (2011) Starost' po-rossiiski. Sotsial'no-ekonomicheskie usloviia i psikholo-gicheskii klimat [The Russian way of aging. The social and economic conditions and psychological climate]. V pamiati i dobrom zdravii. Starshee pokolenie, obshchestvo i politika [In full possession of ones' senses and in good health]. Izbrannye stat'i iz zhurnala «Ostoiropa». M.: 121–122.

Riesman D., Glazer N. (1961) *The Lonely Crowd: A Study of Changing American Character*, New Haven.

Romanova I. V. (2002) Adaptatsiia odinokikh zhenshchin k posttrudovomu periodu v usloviiakh sovremennogo obshchestva [The Adaptation of Lonely Women to the Post-Labour Period in the Contemporary Society]. Dis. ... kand. sotsiol. nauk. Ulan-Ude,

Shmelev R. V. (2004) Issledovanie vzaimosviazi deviantnogo povedeniia i sostoianiia odinoche-stva v podrostkovom obshchestve. [A Study of Relationship between Deviant Behavior and the State of Loneliness among Teenagers] Dis. ... kand. psikholog. nauk. Samara.

Shvalb Iu. M., Dancheva O. V. (1991) Odinochestvo [Loneliness], Kiev.

Slater P. (1976) *The Pursuit of Loneliness: American Culture at the Breaking Point*, Boston.

Uledova I. A. (1999) Sotsial'noe odinochestvo kak dukhovnoe sostoianie sotsial'nykh obektov [Social Loneliness as a Spiritual State of Social Objects]. Dis. ... kand. sotsiol. nauk. M.,

Verbitskaia S. L. (2002) Sotsial'no-psikhologicheskie faktory perezhivaniia odinochestva. [Social and Psychological Factors of Loneliness Experience] Dis. ... kand. psikholog. nauk. SPb.

Vishnevskii A. (2005) Pokhvala stareniiu [A praise to aging]. Otechestvennye zapiski [Russian Notes], (3).